

Джеффри Либерман
при участии Оги Огаса

Мозгоправы

Нерассказанная история психиатрии

Поразительно.
Сидхартха Мукерджи

Джеффри Либерман

Мозгоправы. Нерассказанная история психиатрии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68483653

Мозгоправы. Нерассказанная история психиатрии: Попурри; Минск;

2022

ISBN 978-985-15-5275-3

Аннотация

Психиатрия проделала огромный путь, с тех пор как «умалишенных» запирали в холодных камерах. Джеффри Либерман в своей увлекательной книге показывает, что путь этот был отнюдь не простым: «белой вороне медицины» пришлось многое преодолеть, прежде чем получить признание.

Доктор Либерман прослеживает историю от рождения таинственной псевдонауки и периода «секты мозгоправов» до текущего момента, когда специалисты спасают жизни, используя научно доказанные методы. Прошлое психиатрии полно сомнительных теорий и рискованных способов лечения (в их числе искусственное вызывание комы и лоботомия при помощи ножа для колки льда). А еще в этой области существовало два противоборствующих лагеря: психиатров вроде Зигмунда

Фрейда, ставивших во главу угла сознание, и нейробиологов вроде Эрика Канделя, фокусирувавшихся на мозге.

Благодаря описанию захватывающих клинических случаев и разносторонним портретам виднейших представителей отрасли чтение «Мозгоправов» не только увлекает, но и обучает. Книга привлекает внимание к проблеме стигматизации психических расстройств. Людям следует относиться к ним как к болезням, а не как к плачевному состоянию души.

Подробный, авторитетный, иногда безжалостный, но в конечном счете оптимистичный рассказ об истории психиатрии. – Натали Энджиер, книжный обозреватель New York Times

История, написанная понятным языком. Полная одновременно и скептицизма, и торжества. Она показывает, насколько далеко вперед продвинулась психиатрия. – Джулия Кляйн, критик газеты The Boston Globe

Об авторе

Джефффри Либерман – доктор медицинских наук, заведующий кафедрой психиатрии в Колумбийском врачебно-хирургическом колледже, руководитель Психиатрического института штата Нью-Йорк. В настоящее время занимает должность главного психиатра Нью-Йоркской пресвитерианской больницы и Медицинского центра при Колумбийском университете, а прежде возглавлял Американскую психиатрическую ассоциацию. В 2000 году по итогам выборов его приняли в Национальную академию наук, институт медицины. Проживает с женой и двумя сыновьями в Нью-Йорке.

Залит издательский ерив.

Содержание

Введение. Что не так с Еленой?	8
Часть I. История диагноза	23
Глава 1. Приемный ребенок медицины.	23
Месмеристы, алиенисты и психоаналитики	
И в воздухе, и в почве	24
Медицина души	39
Ухаживающие за душевнобольными	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джеффри Либерман

Мозгоправы.

Нерассказанная

история психиатрии

*Посвящается моим родителям и вдохновителям
Говарду и Рут. Моей жене Розмари и сыновьям
Джонатану и Джереми, которые во всем меня
поддерживают. И, конечно же, пациентам,
которые всегда указывают мне направление
развития*

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved.

Copyright © 2015 by Jeffrey A. Lieberman, MD

© Перевод, оформление, издание на русском языке. ООО «Попурри», 2022

Внимание! Я изменил имена пациентов и черты их внешности, чтобы обеспечить неприкосновенность частной жизни, а иногда описывал истории нескольких человек как один случай.

Своим развитием психиатрия обязана множеству людей. Но чтобы читать книгу было легче и интереснее, я выделил лишь некоторых из них – тех, кто, на мой взгляд, является наиболее ярким представителем своего поколения. Прошу не расценивать это как преуменьшение заслуг тех, чьих имен здесь не оказалось. Наконец, нарушив правила, принятые в академических кругах, я не стал оформлять пропуски и добавления в цитатах при помощи скобок и многоточий, чтобы не нарушать плавности повествования (смысл высказываний при этом не искажен). Источники цитат указаны в разделе «Список источников и литература для дополнительного чтения», а неотредактированные версии высказываний можно найти по адресу www.jeffreyliebermanmd.com.

Просторней голубых Небес
Мой мозг во много раз —
В себя он с легкостью вместит
И небосвод, и вас.
Намного глубже моря он,
Хоть море глубоко —
Как губка, целый океан
Впитает он легко.
Он нужен Богу – чтобы Бог

Творенье взвесить смог —
И если с гирей он не схож,
То лишь как звук и слог¹.

Эмили Дикинсон

¹ Перевод А. Гаврилова.

Введение. Что не так с Еленой?

Каждому, кто собрался на прием к психиатру, следует сначала проверить, все ли в порядке с головой у этого специалиста.

Сэмюэл Голдвин

Несколько лет назад один известный человек (назовем его Конвей) привел ко мне на прием свою дочь Елену, которой тогда было двадцать два года. Конвей рассказал, что она училась в Йельском университете, но взяла академической отпуски из-за неожиданного снижения успеваемости. Мать Елены согласно закивала и добавила, что причина такого поведения девушки кроется в «отсутствии мотивации и уверенности в себе».

Желая решить проблемы дочери, родители обратились к целому ряду специалистов: мотивационным ораторам, тренерам личностного роста и репетиторам. Но, несмотря на всю эту дорогую свиту, поведение девушки лучше не становилось. К тому же один репетитор предположил, что «с Еленой что-то не так». Он высказал эту мысль робко, так как Конвей был известным человеком. Однако родители посчитали беспокойство преподавателя проявлением его некомпетентности и продолжили искать способы вернуть девушке прежнее расположение духа.

Они прибегли к натуропатии и медитации, а когда и это не

помогло, переключились на гипноз и акупунктуру. Родители перепробовали все возможные методы, только бы не обращаться к психиатру. Но потом кое-что произошло.

Как-то раз Елена ехала в нью-йоркском метро, чтобы встретиться и пообедать с матерью. Вдруг к девушке подошел лысеющий мужчина средних лет в грязной кожаной куртке и вывел ее из вагона.

Не предупредив мать, Елена пропустила обед и последовала за мужчиной в его убогое жилище, расположенное в подвальном помещении здания в Нижнем Ист-Сайде. Когда тот находился на кухне и готовил для девушки какой-то алкогольный напиток, она наконец ответила на звонок обеспокоенной матери.

Женщине удалось узнать, где находится ее дочь, и она немедленно вызвала полицию. Сотрудники прибыли на место и вернули девушку родителям. Елена не была возмущена резким вмешательством матери. Если быть точнее, она вообще никак не отреагировала на происшедшее.

Когда родители Елены, сидя у меня в кабинете на Манхэттене, стали рассказывать мне об этом, я сразу же понял, что они любят свою дочь и искренне переживают за ее благополучие. У меня самого два сына, поэтому я очень хорошо понимаю, насколько отец и мать были встревожены из-за судьбы, которая, возможно, выпала на долю их дочери. Тем не менее, несмотря на свою обеспокоенность, Конвей четко дали понять, что сомневаются в необходимости моих

услуг. Первым, что произнес отец, сев в кресло, было следующее: «Должен сказать, что, на мой взгляд, мозгоправ ей не нужен».

Профессия, которой я посвятил всю свою жизнь, до сих пор вызывает у людей недоверие и страх. В отличие от других направлений медицины, о ней часто говорят с пренебрежением. Не существует движения против кардиологии, участники которого призывали бы устранить всех врачей-кардиологов. Нет движения против онкологии, сторонники которого выступали бы за отмену лечения рака. Но есть масштабное движение против психиатрии, требования которого – сократить количество специалистов, ограничить их деятельность или вовсе от них избавиться. Сейчас я возглавляю кафедру психиатрии в Колумбийском университете и занимаю должность главного психиатра в Нью-Йоркской пресвитерианской больнице/медицинском центре Колумбийского университета, а в прошлом был президентом Американской психиатрической ассоциации (АПА), поэтому каждую неделю получаю электронные письма примерно такого содержания:

«Вы ставите липовые диагнозы только для того, чтобы процветали фармацевтические компании».

«Вы называете нормальное поведение болезнью, чтобы хоть как-то оправдать свое существование».

«Душевных расстройств не существует. Есть только разные склады ума».

«Вы, шарлатаны, ни черта не понимаете, что творите! Но знайте, что все ваши таблетки разрушают людям мозги».

Такие скептики не обращаются к специалистам за решением проблем. Напротив, они заявляют, что психиатрия сама представляет собой проблему. У людей по всему миру существуют предрассудки в отношении «мозгоправов» – именно так называют напыщенных шарлатанов, которые, как многим кажется, заполонили нашу профессию.

Не обращая внимания на скептицизм Конвеев, я приступил к обследованию Елены, стал расспрашивать родителей о прошлом девушки и собирать информацию медицинского характера. Так, я узнал, что Елена была старшей и самой талантливой из четырех детей, поэтому на нее возлагались большие надежды. Родители с грустью отметили, что жизнь дочери складывалась превосходно, но лишь до второго года обучения в Йельском университете.

На первом курсе Елена была общительной девушкой и имела широкий круг знакомств, однако постепенно стала все реже обсуждать студенческую и личную жизнь как с подругами, так и с родителями, а через несколько месяцев вообще перестала о ней говорить. Она начала соблюдать строгую вегетарианскую диету и с одержимостью принялась изучать каббалу, полагая, что символы этого течения откроют ей дорогу к вселенскому знанию. Елена стала пропускать занятия, а ее успеваемость резко снизилась.

Сперва родители не придали таким изменениям особого

значения. «Не стоит мешать молодым людям искать себя», – заметила мать девушки. «В ее возрасте я тоже был себе на уме», – согласился отец. Однако после звонка из медицинского центра для студентов родители Елены начали беспокоиться.

Девушка обвинила других студенток в том, что они отпускают колкости в ее адрес и украли у нее золотой браслет. Руководство университета провело беседу с девушками, но те отрицали обвинения и настаивали на том, что никакого браслета не видели. В то же время они заметили, что Елена начала вести себя странно. Один из преподавателей даже выразил обеспокоенность ответом девушки на экзамене. В задании требовалось рассказать о потоке сознания – приеме, к которому прибегал писатель Джеймс Джойс.

Елена же написала, что литературный стиль Джойса был «шифром со скрытым посланием избранным читателям, через которое на их головы снизойдет мудрость, созданная духовными силами Вселенной».

После этого родители взяли для Елены академический отпуск, наняли репетиторов и стали пробовать разнообразное лечение, пока друг семьи не посоветовал им обратиться к известной на Манхэттене женщине-психотерапевту. Она была знаменита тем, что активно продвигала немедицинскую концепцию психического (ментального) расстройства. Женщина считала его причиной «ментальные блокировки» и в качестве лечения практиковала разговоры в агрессивной ма-

нере (это ее авторская методика). Она поставила Елене диагноз «нарушение самооценки» и начала проводить дорогостоящие сессии дважды в неделю, чтобы избавить девушку от «блокировок».

Через год такой терапии улучшения не произошло, поэтому родители обратились к холистическому терапевту. Он предписал вести размеренный образ жизни, следовать вегетарианской диете и практиковать медитацию. Однако, несмотря на все его усилия, Елена и умом, и чувствами пребывала далеко от этого мира.

Затем произошла ситуация с тем непонятным типом, и Конвеям пришлось признать, что их рассеянная дочь рискует угодить в лапы незнакомца с неясными намерениями. К тому моменту терапевт, лечивший их семью, вышел из себя и взмолился: «Да отведите же вы ее к настоящему врачу!» Так они оказались у меня.

Завершив беседу с родителями, я попросил их оставить нас с Еленой наедине, поскольку хотел задать ей несколько вопросов. Они вышли из кабинета, и мы остались одни. Передо мной сидела высокая стройная девушка, бледная, со светлыми волосами, которые выглядели запутанными и грязными. Пока я разговаривал с родителями, вид у Елены был безразличный и отстраненный: совсем как у кошки, которая лежит без дела. Теперь же, когда я обращался к ней напрямую, она хаотично перемещала взгляд так, будто лампы на потолке были гораздо интереснее собеседника.

Ее поведение вызвало у меня не обиду, а чувство искренней обеспокоенности. Мне и прежде встречались люди с отсутствующим, блуждающим без цели взглядом. Мой коллега называет его проявлением «фрагментарного внимания». Этот взгляд означал, что Елена занята стимулами, которые порождает ее сознание, а не тем, что происходит вокруг. Продолжая наблюдать за поведением девушки, я спросил, как она себя чувствует. Елена указала на фотографию с женой и детьми, которая стояла на моем рабочем столе.

– Я знаю этих людей, – произнесла она мягким монотонным голосом, напоминавшим шум потолочного вентилятора.

Когда я попытался узнать, откуда ей известна моя семья, она прервала меня:

– Мне пора. Я опаздываю на прием.

Я ободряюще улыбнулся и произнес:

– Вы уже на приеме, Елена. Меня зовут доктор Либерман. Ваши родители договорились о нашей встрече, чтобы выяснить, могу ли я быть вам чем-то полезен.

– У меня все хорошо, – ответила девушка тихим ровным голосом. – Я чувствую себя отлично. Если не считать того, что сестры высмеивают меня и портят мои работы.

Я спросил Елену об университете и причине академического отпуска. Она грубо ответила, что учеба ее больше не интересует. Теперь ее миссия – спасти мир, открыв тайный источник Божественной силы. Она верила в то, что Бог по-

селил ангелов в тела ее родителей, чтобы те помогли ей на пути к священной цели.

– Ваша секретарша понимает, о чем я говорю, – добавила Елена.

– Почему вы так думаете? – поинтересовался я.

– Когда я вошла, она по-особенному мне улыбнулась. Это знак.

Подобные навязчивые идеи психиатры описывают одновременно как нарциссический бред² (человек связывает с собой случайные события, происходящие в мире) и как бред особого значения (человек наделяет обычные действия сверхъестественным значением). Такое поведение – проявление шнайдеровских симптомов шизофрении³ первого ранга. Они названы в честь немецкого психиатра Курта Шнайдера, впервые описавшего их в 1940-е годы. Приняв во внимание поведение Елены на приеме и рассказ родителей, я сделал вывод, что девушка, вероятно, страдает шизофренией – самым тяжелым и опасным психическим заболеванием. Я изучал его на протяжении тридцати лет.

С одной стороны, меня тяготила мысль о том, что придется сообщить родителям такую новость. С другой стороны,

² В отечественной литературе данному понятию соответствует, как правило, бред отношения. – *Примеч. ред.*

³ Шизофрения – это психоз, тип психического заболевания, характеризующийся искажениями в мышлении, восприятии, эмоциях, языке, самоощущении и поведении (<https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/schizophrenia>). – *Примеч. ред.*

мне было очень жаль девушку, ведь она три года страдала болезнью, которая поддается лечению, но не теми бесполезными средствами, что ей предлагали. Избегая настоящего психиатрического лечения, родители подвергли ее огромному риску. И это хуже всего. Во-первых, помутнение сознания могло привести к катастрофическим последствиям. Во-вторых, если оставить шизофрению без лечения, она постепенно приведет к необратимым нарушениям в головном мозге. Это все равно что ездить на автомобиле, не меняя масло в двигателе.

Я пригласил родителей Елены обратно в кабинет. «Ну что, какое заключение?» – бойко спросила мать, постукивая пальцами по подлокотнику кресла. Я ответил, что не могу сказать с полной уверенностью, пока не проведу еще несколько исследований, но, по всей видимости, их дочь страдает шизофренией – нарушением мозговой деятельности, которому подвержен один человек из ста. Обычно оно проявляется в юные годы или на заре взросления. Плохая новость: это тяжелое, рецидивирующее и неизлечимое заболевание. Хорошая новость: правильное лечение и постоянное наблюдение позволят девушке восстановиться и вернуться к относительно нормальной жизни. Возможно, она даже возобновит обучение. А следующая часть разговора обещала быть сложной. Посмотрев родителям девушки в глаза, я уверенно и твердо сказал им, что они должны незамедлительно отправить дочь в больницу.

Мать воскликнула от неожиданности и в знак протеста. Отец покачал головой и с раздражением сказал: «Господи, да не надо запирать ее в *больнице*! Ей просто надо взять себя в руки!» Я настаивал на своей рекомендации и стал объяснять, что Елене требуется постоянное наблюдение и незамедлительное лечение, чтобы сохранить рассудок и избежать опасных ситуаций вроде той, что произошла в метро. В конце концов родители смягчились и согласились поместить дочь в психиатрическое отделение Нью-Йоркской пресвитерианской больницы/медицинского центра Колумбийского университета.

Я лично контролировал ход лечения Елены.

Девушка сдала анализ крови, сделала ЭЭГ и МРТ. Елене также провели нейропсихологическую диагностику, чтобы исключить иные причины ее состояния. Затем я назначил ей рисперидон – очень эффективное антипсихотическое средство с низкой вероятностью появления побочных действий. Параллельно с этим специалисты помогали девушке восстановить навыки общения, занимаясь с ней в группе. Когнитивная терапия улучшила внимание и способность сосредотачиваться. Благодаря указаниям по основным ежедневным действиям гигиена и внешний вид вернулись к норме. Через три недели приема лекарств и работы со специалистами прежняя Елена стала постепенно возвращаться, забыв о космических символах. Девушка была жизнерадостной и умной, с отличным чувством юмора. Она отметила, что ей

неловко из-за своего недавнего поведения, и выразила желание вернуться к учебе и друзьям в Нью-Хейвене.

Такое кардинальное улучшение – доказательство эффективности современной психиатрии. Я с нетерпением ждал, когда Елена сможет встретиться с родителями. Конвеи обрадовались, увидев дочь такой, какой она была раньше. Я впервые заметил улыбку на лице отца, когда он осознал ее преобразование.

Я организовал встречу Конвеев и специалистов, занимавшихся лечением Елены, чтобы обсудить программу реабилитации и необходимость постоянного амбулаторного лечения. Однако родители выразили сомнения в том, что причина быстрого выздоровления дочери – оказанная медицинская помощь. Я не удивился, когда через несколько недель узнал, что Елена прекратила посещать амбулаторное отделение. Я связался с Конвеями и буквально взмолился, чтобы они продолжили лечение дочери, поскольку без него у девушки произойдет рецидив. Они поблагодарили меня за помощь, но заметили, что лучше знают, что ей нужно, и самостоятельно организуют лечение.

По правде говоря, если бы все это случилось в 1970-е годы (тогда я учился на медицинском факультете и принимал первых пациентов), я бы понял позицию Конвеев, а возможно, даже разделил бы их неприязнь к врачам-специалистам, поскольку в те времена в большинстве психиатрических учреждений руководствовались идеологией и сомни-

тельными научными заключениями.

Они полностью соответствовали псевдомедицинской обстановке, в которой последователи Зигмунда Фрейда цеплялись за любую позицию, могущую наделить их властью. Но Конвеи пытались вылечить дочь в двадцать первом веке.

Впервые за долгое время своего существования психиатрия, успевшая приобрести дурную славу, может предоставить научно обоснованное, гуманное и эффективное лечение всем, кто страдает ментальными расстройствами. Я возглавил Американскую психиатрическую ассоциацию в поворотный для отрасли момент. Сейчас наша наука, долгое время пребывающая на задворках медицинского сообщества, наконец занимает в нем законное место. Вооружившись новыми исследованиями, технологиями и взглядами, эта область медицины готова не только выйти из тени на свет, но и сама стать тем светом, который возвращает людей к жизни.

По данным Национального института психического здоровья, каждый четвертый человек страдает тем или иным ментальным расстройством. Из этого следует, что вам скорее потребуется помощь психиатра, чем какого-то другого врача. Но многие люди, как и Конвеи, до сих пор умышленно избегают тех видов лечения, которые гарантированно облегчат течение их заболеваний. Поймите меня правильно: я признаю, что наша отрасль сама виновата в своей репутации. У людей есть причины делать все возможное для того, чтобы избежать приема врачей данной специальности. Я

считаю, что для нас, психиатров, единственный способ показать, насколько далеко вперед шагнула наша наука, заключается в том, чтобы признать огромную череду ошибок и показать без прикрас то, как нам удалось преодолеть сомнительное прошлое.

Это одна из причин, по которым я написал данную книгу. Мне хотелось беспристрастно рассказать историю психиатрии, не умалчивая о жуликах и шарлатанах, странных методах лечения и абсурдных теориях. До недавнего времени триумф в нашей сфере встречался редко, а настоящие герои психиатрии – еще реже. Если взглянуть на историю развития других отраслей медицины (например, кардиологии, инфектологии, онкологии), то мы увидим постепенный прогресс, который иногда продвигается вперед заметными скачками.

В нашей же сфере все не так: ее история прогресса состоит из фальстартов, долгих периодов стагнации и перемещения на два шага вперед и один назад. Это не черная комедия, полная причудливых ошибок, а настоящий детектив, в основе которого лежат три важнейших вопроса. Ответы на них пытались найти психиатры разных поколений. Что является ментальным расстройством? Из-за чего оно возникает? И, наконец, самый главный вопрос для тех, кто принес клятву Гиппократу: как лечить такие расстройства?

С начала девятнадцатого и до начала двадцать первого века психиатры-детективы находили новые улики и в то же время шли по неверным следам. Это приводило их к со-

вершено разным выводам относительно природы ментальных расстройств, что погружало психиатрию в маятникообразное состояние. Специалисты занимали, казалось бы, две противоположные позиции по вопросу происхождения подобных заболеваний: одни считали, что все дело в психике, другие же полагали, что проблема заключается в мозге. Представители никакой другой отрасли медицины не были столь противоречивы в отношении фундаментальных понятий. Именно это и стало причиной презрительного отношения к психиатрии и других врачей, и пациентов. Но, несмотря на все ложные пути и тупики, детективная история данной отрасли заканчивается хорошо: на тайны, которые прежде было совершенно невозможно разгадать, начал проливаться свет.

На страницах этой книги вы познакомитесь с целым рядом отступников и провидцев, которые смело бросали вызов существующим убеждениям, чтобы поднять нашу сферу на новый уровень. Эти герои заявили, что психиатры не обречены быть мозгоправами; они должны стать уникальным классом врачей.

Научные открытия последних лет привели нас к пониманию того, что для успешного лечения ментальных заболеваний необходимо учитывать и психику, и мозг. Данная специальность медицины не похожа ни на одну другую. Она имеет дело не только с организмом человека, но и с фундаментальными вопросами личности, жизненных целей и потенциала.

В ее основе лежат особые взаимоотношения между врачом и пациентом: нередко психиатр знакомится с внутренним миром индивида и его самыми сокровенными мыслями, страхами и желаниями. Это налагает на специалиста огромную ответственность за благополучие пациента. Нередко психиатры не справлялись с такой ответственностью – но теперь все в прошлом. У современных врачей есть все инструменты для того, чтобы вывести пациента из лабиринта хаоса сознания и помочь ему оказаться там, где он обретет ясность ума, получит должный уход и возможность восстановиться. Миру нужна психиатрия с человеческим лицом, основанная на доказательствах. Моя цель – показать вам, что она наконец появилась.

Но давайте посмотрим, что этому предшествовало...

Часть I. История диагноза

*Назвать – значит укротить.
Джеремии Шерман*

Глава 1. Приемный ребенок медицины. Месмеристы, алиенисты и психоаналитики

*Заболевание мысли пожирает тело быстрее
лихорадки или чахотки⁴.
Ги де Мопассан. Орля*

*Все живое в природе сообщается при
помощи универсального флюида. Нервы – лучшие*

⁴ Перевод М. Столярова.

проводники в организме для такого универсального магнетизма. Прикасаясь к отдельным частям тела, можно улучшить расположение духа и добиться радикального исцеления.

Ф. Месмер. Доклад об открытии животного магнетизма

И в воздухе, и в почве

Эбигейл Аберкромби больше не могла закрывать глаза на проблему: с ней происходило что-то странное, но она не знала, что именно. Шел 1946 год. Эбби работала стенографисткой в Верховном суде Портленда (штат Мэн). Эта профессия требует постоянной сосредоточенности. До недавних пор девушка прекрасно справлялась со своими обязанностями. Но теперь она почему-то стала постоянно отвлекаться. Эбби то и дело писала слова с ошибками, а иногда пропускала целые предложения в расшифровке показаний. Все это из-за страха очередного приступа.

Первый случился пару месяцев назад – сразу после двадцать шестого дня рождения. Тогда он начался у девушки прямо в продуктовом магазине, когда вокруг было много людей. Неожиданно все ее органы чувств пришли в состояние боевой готовности. Девушке стало трудно дышать, а сердце забилось так сильно, что казалось, будто она сейчас умрет.

Эбби поспешила в больницу, но после осмотра врач по-

хлопал ее по плечу и заверил, что все в порядке.

Но она знала: *что-то* не так. В течение следующего месяца Эбби пережила еще два приступа. Каждый раз на протяжении двух-трех минут ощущения обострялись, пульс учащался и девушка испытывала ужасный страх. Эбби задумалась: *если врачи считают, что с телом все нормально, может, проблема с головой?*

Как понять, действительно ли психическое состояние, которое вызывает беспокойство, является отклонением от нормы? Или это обычные перепады настроения? Как определить, страдаем ли мы (или наши близкие) некой психической патологией? Может, это допустимые колебания в нашей способности сосредоточиваться и оставаться спокойными? Что же такое ментальное расстройство?

Онкологи могут дотронуться до опухоли, пульмонологи – рассмотреть в микроскоп бактерии, которые вызывают пневмонию, а кардиологи – заметить желтоватые бляшки, образованные из-за избытка холестерина. Психиатры же, в отличие от специалистов других направлений, долгое время не могли предоставить материальные доказательства того, что ментальные заболевания вообще существуют. Из-за этого в данной отрасли всегда возникали необычные и откровенно странные идеи. Люди, находящиеся в состоянии отчаяния, готовы верить во все, что вселяет надежду. Эбби не знала, к кому обратиться, но потом увидела статью в газете.

В ней рассказывалось о новом поразительном способе лечения эмоциональных расстройств. Этот метод практиковали в Институте оргона, на базе которого его основатель Вильгельм Райх, выдающийся австрийский врач, занимался, в частности, лечением людей. Он мог похвастаться документами о квалификации, полученными в лучших медицинских учебных заведениях, его наставником был лауреат Нобелевской премии, а сам он работал клиническим ассистентом самого известного психиатра всех времен – Зигмунда Фрейда – в его венской клинике.

В медицинских журналах положительно отзывались о деятельности Райха. Он издал несколько книг, пользовавшихся успехом. Даже Альберт Эйнштейн проходил оргоническое лечение эмоционального расстройства (по крайней мере, так заявлял сам Райх).

У Эбби появилась надежда: возможно, именитому врачу наконец удастся поставить ей диагноз. Девушка отправилась в Оргонон – загородное поместье в штате Мэн, названное так в честь заслуг доктора Райха. К восторгу Эбби, ее принял лично доктор Райх. Напряженным взглядом, высоким лбом и непослушными волосами он напомнил девушке Ротванга – безумного ученого из фильма «Метрополис» 1927 года.

– Вы знаете, что такое оргон? – спросил врач, когда девушка села в кресло.

Вильгельм Райх (1897–1957). Последователь Фрейда, психоаналитик, автор оргонной теории. Фотография 1952 года (© Bettmann/CORBIS)

Эбби дала понять, что не знает.

Тогда Райх объяснил, что все психические расстройства (в том числе и ее состояние, каким бы оно ни было) происходят из-за блокирования оргона – скрытой энергии, объединяющей все живое.

– Это не просто теория. Оргон есть и в воздухе, и в почве, – настаивал врач, потирая пальцы друг о друга.

По его мнению, физическое и ментальное здоровье зависело от правильного распределения оргонной энергии – данный термин произошел от слов «организм» и «оргазм».

Эбби закивала головой в знак согласия. Это тот ответ, который она и хотела услышать.

– Вам нужно восстановить естественное течение оргонной энергии в теле, – продолжил Райх. – К счастью, мне известно, как это сделать. Желаете ли начать лечение?

– Да, доктор, – ответила девушка.

– Разденьтесь до белья, пожалуйста, – произнес он.

У Эбби появились сомнения. А ведь краугольный камень отношений врача и пациента – это доверие, поскольку мы открываем специалисту беспрепятственный доступ к телу: от пятен на коже до содержимого желудка. Отношения психиатра и пациента еще более тесные, поскольку мы дове-

ряем доктору психику – самую основу нашего бытия. Врач данной специальности призывает открыть ему мысли и эмоции, поделиться сокровенными желаниями. При построении терапевтических отношений с психиатром предполагается, что он является квалифицированным специалистом, который знает, что делает, – как, например, ортопед или офтальмолог. Но верно ли измерять компетенцию психиатра по тем же критериям, что и компетенцию других врачей?

Эбби засомневалась, но затем вспомнила все заслуги доктора, сняла платье, аккуратно сложила его и оставила на столе. Райх жестом пригласил ее сесть на большой деревянный стул. Девушка, волнуясь, исполнила указание. Из-за холодного сиденья по голой коже побежали мурашки.

Врач подошел к девушке и начал осторожно дотрагиваться до ее рук и предплечий, а затем опустился до коленей и бедер – словно искал опухоль.

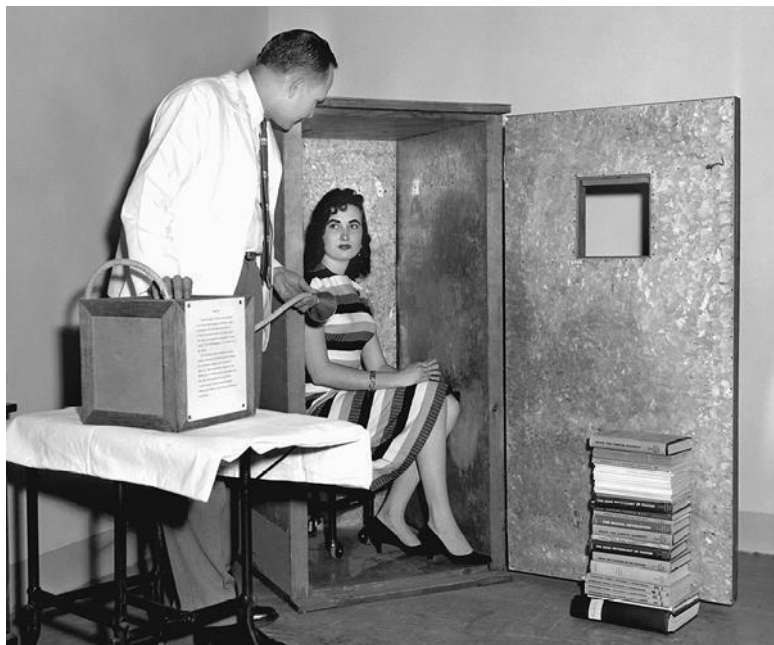
– Да, здесь. И здесь. Чувствуете? В этих местах блокируется оргон. Вытяните руку, пожалуйста, – попросил доктор.

Девушка повиновалась. Без предупреждения Райх резко шлепнул ее по руке над локтем, как будто хотел убить муху. Эбби вскрикнула, но скорее от неожиданности, чем от боли. Врач улыбнулся и поднял палец вверх.

– Вот так! Вы выпустили запертую энергию! Чувствуете? – воскликнул он.

Каждую неделю на протяжении полугода Эбби возвращалась в Институт оргона. На некоторых приемах доктор Райх

использовал оргноскоп – прибор, по виду напоминавший медный телескоп. Он позволял рассмотреть течение оргонной энергии в организме, которая, по словам врача, была ярко-синей. На других сеансах Райх просил Эбби раздеться до нижнего белья и залезть в ящик, по размерам напоминавший телефонную будку. При этом от шеи девушки спускался резиновый шланг. Это устройство – оргонный аккумулятор, который усиливал оргонную энергию Эбби и помогал ей справиться с тревогой.

Органнный аккумулятор – прибор для оргонной терапии (© Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США / Science Source)

Девушка с благодарностью принимала помощь доктора Райха. И она была не единственной его пациенткой. На лечение к нему и его ассистентам приезжали люди со всего мира. Написанные Райхом книги переводили на десятки языков, приборы для оргонной терапии продавались далеко за пределами США, а его идеи повлияли на целое поколение психотерапевтов. Он был одним из самых узнаваемых специалистов своего времени. Но правильно ли поступила Эбби, когда доверила ему свое здоровье?

В 1947 году Райх заявил, что оргонные аккумуляторы способны излечить рак. Тогда в дело вмешалось Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США. Сотрудники управления пришли к выводу, что устройства для терапии и сама теория Райха являлись «мошенничеством первой степени». Судья постановил запретить все приборы для оргонной терапии и их рекламу. Райх, который искренне верил в силу этой энергии, был раздавлен. Во время следствия его коллеги отмечали, что он начал страдать паранойей и оторвался от действительности. Врач полагал, что планету атакуют пришельцы, и по ночам ходил по Институту оргона в бандане и с револьвером на поясе – как стрелок с Дикого Запада. В ходе другого заседания,

на котором были выдвинуты обвинения в незаконной продаже приборов для оргонной терапии, судья предположил, что доктору самому необходим психиатр. Присяжные постановили, что Райх виновен, поэтому институт закрыли, а врача заключили под стражу. В 1957 году он умер от сердечной недостаточности в федеральной тюрьме Льюисберга.

Нельзя точно сказать, что почувствовали пациенты Райха, когда узнали, что все его лечение – полнейший вздор. Но можно рискнуть и предположить. Надувательство в психиатрии, к сожалению, остается актуальной проблемой. Я знаю множество пациентов, которые попали к современным шарлатанам. Доверить врачу свои самые сокровенные тайны и столкнуться с некомпетентностью или обманом – мало что в жизни может быть более оскорбительным, чем это.

Думаю, Эбби могла отреагировать так же, как одна из моих собеседниц, которая узнала, что харизматичный психиатр ее дочери пытался использовать двенадцатилетнюю девочку в собственных целях и настроить ее против семьи. Мать тогда сказала: «Он ужасный обманщик. Но откуда нам было знать? Дочери требовалась помощь, а он казался хорошим специалистом. Никто не смог бы заподозрить неладное».

Я сам работаю психиатром и родился в то время, когда Вильгельм Райх все еще принимал пациентов. Поэтому в ситуации с ним меня всегда беспокоило то, что коллеги не смогли распознать в нем мошенника. Напротив, по мнению людей, психиатрическое сообщество поддерживало абсурд-

ные методы Райха. Почему же специалисты не смогли предупредить окружающих, что его теории не основаны ни на каких научных данных? Ведь людям это было необходимо!

К сожалению, сомнительные способы лечения существовали всегда, причем ведущие психиатрические учреждения зачастую одобряли те методы, которые вызывали вопросы, а иногда и вовсе были неадекватны. Горькая правда заключается в том, что Вильгельм Райх не исключение, а неприятный символ наиболее противоречивой медицинской специальности.

Психиатрическое сообщество прикладывало недостаточно усилий для того, чтобы помочь людям отличить научно обоснованное лечение от беспочвенных измышлений. Такая же тенденция наблюдается и сегодня. Возможно, у вас возник вопрос: как тысячи образованных, умных людей (врачей, ученых, предпринимателей) поверили в то, что невидимая система оргонной энергии является ключом к ментальному здоровью? Но даже сейчас мошенники, связывающие себя с профессиональной психиатрией, продолжают обманывать отчаявшихся и ничего не подозревающих пациентов, а представители отрасли бездействуют.

Дэниэл Амен – один из наиболее известных психиатров современности. Он написал популярную серию книг «Психология и мозг по Амену» и снимался в программах о мозге на канале PBS. Певица Джоан Баэз, актер Билл Косби, пастор и писатель Рик Уоррен отзываются о нем с восторгом, а мо-

тивационный оратор Брендон Берчард однажды представил Амена как «лучшего специалиста по нейронаукам в мире». Тем не менее в основе успеха этого психиатра лежат сомнительные практики без научной доказательной базы и признания со стороны медицинского сообщества.

Амен заявляет, что может определить, страдает ли человек каким-либо ментальным заболеванием, взглянув на результаты однофотонной эмиссионной компьютерной томографии (ОФЭКТ). Это заявление ближе к френологии, последователи которой изучали выпуклости и впадины на черепе, чем к современной психиатрии. «Его заявления и деятельность ничем не подкреплены, – убежден доктор Роберт Иннис, руководитель отделения молекулярной нейровизуализации Национального института психического здоровья США. – Они ненаучны и неправомерны. Все равно что использовать лекарство, не получившее официального одобрения». В августе 2012 года в *Washington Post* вышла статья, где доктор Марта Дж. Фара, глава Центра нейронаук и общества при Пенсильванском университете, высказалась по поводу техники Амена более прямолинейно: «Обман». Кроме того, Дэниэл Амен продвигает метод насыщения организма кислородом под высоким давлением и рекламирует собственные натуральные добавки – «усилители мозга». При этом ни метод, ни добавки не обладают научно доказанной эффективностью.

Как ни странно, существующие законы не запрещают лю-

дям вроде Амена заниматься чепухой с ОФЭКТ. Несмотря на то что все руководство Американской психиатрической ассоциации считает его деятельность мошенничеством, он продолжает беспрепятственно работать. Добросовестных врачей-психиатров больше раздражает то, что Амен нагло заявляет: его уникальная методика заметно превосходит медленное лечение, которое предлагает традиционная медицина. Это напоминает критику низкой доходности паевого инвестиционного фонда Fidelity⁵ со стороны Бернарда Мейдоффа⁶.

Дэниэл Амен, как когда-то Вильгельм Райх, окружен аурой респектабельности, из-за чего его методика кажется людям обоснованной и действенной. Если вы не понимаете, как пациенты Райха могли поверить в то, что, раздевшись до белья и сидя в оргонном аккумуляторе, можно улучшить свое психическое здоровье, вспомните об «убедительной» методике Амена с использованием ОФЭКТ (она поразительно напоминает способ лечения Райха). Пациенты соглашались на внутривенное введение радиоактивных веществ и послушно помещают голову в странный прибор, фиксирующий гамма-излучение. ОФЭКТ окружает загадочная аура, и людям кажется, что это последнее достижение науки – точно

⁵ Фонд Fidelity и связанная с ним компания – одни из самых крупных и надежных организаций по управлению активами в мире. – *Примеч. пер.*

⁶ Берни Мейдофф – бывший председатель совета директоров фондовой биржи NASDAQ. Осужден за финансовую аферу, из-за которой пострадало около трех миллионов человек. – *Примеч. пер.*

так же, как когда-то оргонная энергия. Как обычному человеку отличить технологии с доказанной эффективностью от тех, что основываются исключительно на фантазиях?

На самом деле абсурдные теории, неэффективные методы лечения и заблуждающиеся врачи встречались во всех направлениях медицины. Кровопускание и гидроколонотерапия когда-то использовались для лечения всех болезней: от артрита до гриппа. Не так давно женщинам с раком груди удаляли молочные железы вместе с частью ребер. Даже сейчас в списке лекарств для борьбы с раком, одобренных Управлением по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США, содержится 187 распространенных, но спорных препаратов. Люди повсеместно используют антибиотики для лечения простуды, хотя они никаким образом не действуют на вызывающие ее вирусы. При остеоартрозе коленного сустава зачастую проводят бесполезную артроскопическую операцию. В недавнем выпуске программы 60 Minutes разоблачалось лечение стволовыми клетками не поддающихся исцелению заболеваний нервной системы (например, бокового амиотрофического склероза и повреждений спинного мозга). Широко распространено мнимое исцеление аутизма: витамины, БАДы, пищевые добавки, инъекции стволовых клеток, слабительные и очищение организма от тяжелых металлов при помощи хелатотерапии. Пациенты готовы лететь за океан, чтобы пройти необычное и дорогостоящее, но абсолютно бесполезное

лечение любого недуга. Даже Стив Джобс пошел на поводу у людей, которые практиковали ненаучные методы и холистическую медицину. Из-за этого он обратился к традиционному лечению рака поджелудочной железы лишь тогда, когда было уже слишком поздно.

Тем не менее в психиатрии необоснованные методы лечения встречались гораздо чаще, чем где-либо еще. Это объясняется тем, что до недавнего времени специалисты не могли прийти к единому определению ментального заболевания, не говоря уже о том, как подобные расстройства лечить. Если бы каждый терапевт был волен самостоятельно называть и описывать любое заболевание, то болезни отличались бы так же, как обувь: каждый сезон появлялись бы новые модели и расцветки. А если не знать, что именно лечить, то как можно назначить эффективное лечение? Многие из наиболее заметных представителей отрасли запомнились не своими положительными достижениями, а сомнительными методами лечения, несмотря на то что руководствовались они при их создании и использовании благими намерениями. Достаточно вспомнить животный магнетизм Франца Месмера, желчные таблетки Бенджамина Раша, лечение малярии Юлиуса Вагнера-Яурегга, инсулиношоковую терапию Манфреда Сакеля, терапию глубоким сном Нила Маклауда, лоботомию Уолтера Фримана, репаративную (конверсионную) терапию Мелани Кляйн и экзистенциальную психиатрию Рональда Дэвида Лэйнга.

Мне горько признавать, что ответственность за нынешнюю ситуацию всецело лежит на представителях моей профессии. Благодаря другим направлениям медицины увеличивается продолжительность жизни, улучшается ее качество и повышается эффективность методов лечения. Психиатров же постоянно обвиняют в том, что они выписывают ненужные лекарства, называют нормальное поведение патологическим и нагнетают обстановку. У многих есть подозрения, что даже самые лучшие из новых методик могут быть современными версиями оргонной терапии Райха, то есть ложными способами лечения, которые не облегчают страдания людей с настоящими заболеваниями (вроде Эбигейл Аберкромби и Елены Конвей).

Но я готов поручиться за то, что современная психиатрия способна помочь Эбби и Елене. Эбби поставили бы диагноз «паническое расстройство без агорафобии». Это ментальное заболевание, связанное с дисфункцией нейроструктур медиальной височной доли и ствола головного мозга, ответственных за эмоциональную регуляцию и реакцию «бороться или бежать».

Врач назначил бы ей ингибитор обратного захвата серотонина (СИОЗС) и когнитивно-поведенческую терапию (КПТ). При непрерывной медицинской помощи прогноз для Эбби был бы довольно оптимистичным: она продолжила бы жить полноценной жизнью, так как проявления болезни находились бы под контролем.

Что касается Елены, то поначалу она хорошо реагировала на лечение. Я уверен, что если бы она продолжила назначенный курс реабилитации, то смогла бы восстановиться, вернуться к учебе и привычному распорядку.

Почему же сейчас я уверен в диагнозах Эбби и Елены, а доктора прошлого так часто ошибались? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно отправиться на два века назад – в тот период, когда психиатрия стала отдельной медицинской дисциплиной. Потому что с самого своего зарождения она была странным и своеобразным отпрыском – приемным ребенком медицины.

Медицина души

С древнейших времен врачи знали, что мозг – очаг мыслей и чувств. Любой целитель сказал бы, что если серьезно повредить серовато-розовую субстанцию внутри черепа (а это нередко происходило в ходе битв), то человек может ослепнуть, начать странно изъясняться или даже отправиться в царство Морфея. В девятнадцатом веке медики в европейских университетах стали тщательно изучать патологическое поведение пациентов и результаты вскрытия после их смерти. Врачи, глядящие в микроскоп и рассматривающие образцы ткани из разных отделов мозга, с удивлением обнаружили, что психические расстройства четко делятся на две категории.

В первую входили заболевания, из-за которых в мозге происходили серьезные изменения. Медики заметили, что у людей, страдавших деменцией, этот орган уменьшался в размере и был покрыт темными скоплениями белка. Специалисты также обратили внимание на то, что мозг человека, у которого отказали конечности, зачастую отличался закупоренными и деформированными сосудами или красноватыми пятнами, появившимися в результате инсульта. Иногда обнаруживались блестящие розовые опухоли. Французский анатом Поль Брока изучил мозг больных, чей лексический запас на двоих равнялся семи словам. Одного из них даже называли Тап (франц. *para*), потому что при общении он использовал только это слово. Брока обнаружил, что оба мужчины перенесли инсульт, который отразился на одном и том же участке мозга, расположенном в левой половине лобной доли. Постепенно многие заболевания стали связывать с «патологическими признаками», которые получалось выявить. К таким недугам относились болезни Паркинсона, Альцгеймера, Пика и Гентингтона.

При этом, изучая мозг страдающих другими расстройствами, медики не видели никаких физических отклонений. Очагов повреждения и неврологических аномалий не наблюдалось. Мозг таких пациентов ничем не отличался от мозга тех людей, которые никогда не проявляли поведенческих отклонений. Эти загадочные состояния сформировали вторую категорию ментальных расстройств. В нее входят

психоз, мания, фобия, депрессия, невроз навязчивых состояний и истерия.

Открытие того факта, что часть психических заболеваний имеет отчетливые биологические признаки, в то время как другая часть – нет, привело к возникновению двух отдельных дисциплин. Врачей, специализирующихся исключительно на тех заболеваниях, которые оставляли заметный след в мозге, стали называть неврологами, а тех, кто работал с расстройствами психики, не сопровождающимися физическими отклонениями, – психиатрами. Таким образом, *психиатрия* возникла как медицинская специальность, имеющая дело с заболеваниями, которые не имеют распознаваемых физических причин. Данный термин, буквально означающий «лечение души», впервые употребил немецкий медик Иоганн Христиан Рейль в 1808 году.

Из-за того, что главный предмет изучения и смысл существования психиатрии – нематериальная сущность, эта отрасль медицины мгновенно стала благодатной почвой для жуликов и лжеученых. Возьмем для примера кардиологию. Представьте, что она распалась на два отдельных направления: кардиологи занимались бы физическими проблемами сердца, а спиритологи – нефизическими недугами. В какой специальности риск наткнуться на причудливые теории и мошенничество был бы выше?

Раскол между мозгом (неврология) и душой (психиатрия) разделил два континента медицинской практики, словно Бе-

рингов пролив. Снова и снова на протяжении двух столетий психиатры доказывали равенство и братство со своими коллегами-неврологами, а потом вдруг объявляли свободу от них, настаивая на том, что невыразимое сознание – источник большей правды.

Одним из первых врачей, который пытался объяснить происхождение ментальных расстройств и занимался их лечением, был немец Франц Антон Месмер. В 1770-е годы он отверг преобладающие религиозные и моральные представления о психических заболеваниях в пользу физиологического объяснения, что сделало его, вероятно, первым в мире психиатром. К сожалению, физиологическое объяснение, которого он придерживался, заключалось в следующем: ментальные расстройства, как и многие другие заболевания, можно отследить при помощи животного магнетизма – невидимой энергии, пронизывающей тысячи магнетических каналов человеческого тела.

Сейчас мы уже можем представить, что магнетические каналы – это биологическая нейронная сеть, по которой от синапса к синапсу передаются электрические заряды. Однако открытие нейронов, не говоря уже о синапсах, на тот момент было в далеком будущем. Во времена Месмера животный магнетизм казался чем-то неведомым и футуристичным – все равно что сегодня по телевизору объявили бы, что из Нью-Йорка в Пекин можно за одно мгновение добраться на телепортационной машине.

Месмер полагал, что источник психических заболеваний – это препятствия на пути потока животного магнетизма. Его теория невероятно близка той, которую Вильгельм Райх станет продвигать через полтора столетия. По мнению Месмера, для восстановления здоровья необходимо устранить такие препятствия. Если этого не происходило естественным путем, пациент мог вступить в контакт с сильным проводником животного магнетизма (к примеру, с самим Месмером).

Франц Месмер утверждал, что, правильно прикасаясь к телу больного в нужных местах (здесь ущипнуть, там погладить, шепнуть что-нибудь на ухо), он восстанавливает поток магнетической энергии в организме. В ходе терапии пациент должен был испытать то, что Месмер именовал катарсисом. К примеру, при лечении безумца необходимо довести его до приступа сумасшествия, а человека с депрессией – до мыслей о самоубийстве. Нам, непосвященным, такие методы могут показаться противоречащими здравому смыслу. Однако Месмер заявлял, что полностью овладел искусством лечения с помощью магнетизма, поэтому катарсис происходит под его контролем и не несет опасности для пациента.

Вот что писали в 1779 году о лечении Месмером военного хирурга, у которого обнаружили камни в почках:

Господин Месмер несколько раз обошел комнату, после чего растянул пациенту рубашку, слегка отклонился и приставил палец к пораженной области.

Мой друг почувствовал легкую боль. Тогда господин Месмер переместил палец вверх по животу и груди – боль последовала в том же направлении. Затем он попросил пациента выпрямить указательный палец и направил на него свой, отдалившись на три-четыре шага. Мой товарищ почувствовал электрический заряд на кончике пальца, который затем проник вглубь до ладони. После этого Месмер сел за пианино. Как только он начал играть, пациент задрожал и перестал дышать. Цвет его лица изменился, и мой товарищ упал на пол.

Обеспокоенный Месмер положил его на кушетку, чтобы тот снова не упал, и пригласил служанку, объяснив, что она заберет излишки энергии. Когда девушка дотронулась до груди моего друга, все мгновенно прекратилось: он с удивлением стал трогать и рассматривать свой живот. Резкая боль внезапно исчезла. Господин Месмер сказал, что любая собака или кошка устранили бы боль точно так же, как служанка.

О таланте Месмера узнали во всей Европе после нескольких успешных «излечений» при помощи магнетизма. В частности, он вернул зрение Франциске Остерлин – знакомой семьи Моцарта. Месмера даже приглашали в Баварскую академию наук, чтобы он высказал свое мнение об обряде экзорцизма, который проводил католический священник Иоганн Йозеф Гасснер. Ситуация крайне ироничная, ведь один за-

блуждающий целитель должен был оценить методы другого. Месмер откликнулся на предложение и заявил, что Гасснер был искренен в своих религиозных намерениях и его обряды действительно работали – но лишь потому, что священник обладал большим количеством животного магнетизма.

Впоследствии Месмер переехал в Париж и, придерживаясь идеи равноправия, лечил как богатых аристократов, так и простой народ при помощи самопровозглашенной силы магнетизма. Слава Месмера росла, и король Людовик XVI приказал собрать научный комитет, чтобы исследовать животный магнетизм. В комитет вошел, в частности, американский ученый и дипломат Бенджамин Франклин, который в то время находился во Франции. В конечном итоге члены комитета опубликовали отчет с разоблачением методов Месмера и других последователей теории животного магнетизма. Ученые писали, что все это не более чем плод воображения. Но Франклин проницательно отметил: «Некоторые полагают, что это положит конец месмеризму. Однако в мире огромное количество доверчивых людей, а потому до невероятного абсурдные заблуждения продолжают жить веками».

Существует убедительное доказательство того, что Месмер искренне верил в силу сверхъестественных магнетических каналов. Будучи тяжело больным и уже находясь на смертном одре, он отказывался от помощи врачей и много-

кратно пытался излечить себя животным магнетизмом, но безуспешно. В 1815 году Месмер умер.

Пусть его экстравагантная теория и не дожидаясь до двадцатого века, сам он стал первопроходцем в одном важном направлении. До Месмера врачи полагали, что психические расстройства имеют нравственное происхождение. По их мнению, душевнобольные недостойно вели себя в прошлом и сейчас расплачиваются за какой-то грех. Другая распространенная точка зрения заключалась в том, что такие люди были рождены сумасшедшими. Это предрешено природой или Богом, поэтому надежды на исцеление нет.

Странная теория Месмера о невидимых процессах стала глотком свежего воздуха. Он не поддерживал детерминистскую идею о том, что отдельные люди рождались с психическим расстройством, и отрицал религиозную концепцию, согласно которой заболевание являлось следствием низкой нравственности. Месмер утверждал, что болезнь является результатом нарушения работы физиологических механизмов, которую можно восстановить при помощи медицины. Психиатр и историк медицины Генри Эллиенбергер считает Месмера первым специалистом, который придерживался психодинамического подхода (то есть полагал, что ментальные расстройства возникают вследствие глубинных психических процессов).

Для сторонников данного подхода сознание важнее мозга, а психология имеет больший вес, чем биология. Трактовка

ими ментальных заболеваний окажет огромное влияние на европейскую психиатрию и займет центральное место в психиатрии американской. На самом деле в течение следующих двух веков специалисты будут попеременно придерживаться двух совершенно разных подходов: психодинамического и биологического. Последний подразумевает, что заболевания возникают из-за нарушения физиологических процессов в мозге.

После Месмера термин «психиатрия» стали употреблять врачи, которые занимались другими таинственными процессами, происходящими в сознании. Первые психиатры, иногда именуемые натурфилософами, заимствовали идеи из романтизма в европейском искусстве и литературе. Они искали иррациональные и тайные силы в человеческой природе, верили в мощь трансцендентного духа и неотъемлемую ценность эмоциональной сферы. Отказываясь от научных исследований и непосредственных клинических опытов, натурфилософы полагались преимущественно на интуицию. Порой они не разграничивали понятия «психическое расстройство» и «психическое здоровье» и трактовали безумие как результат влияния душевных страстей и беспокойства на сознание здорового человека.

Романтическая мысль в ранней психиатрии достигла пика и нашла выражение в книге «Принципы медицинской психологии» (*Lehrbuch der ärztlichen Seelenkunde*), которую на-

писал в 1845 году немецкий врач, поэт и философ Эрнст фон Фейхтерслебен. Он считал, что «все направления исследования человека и имеющиеся знания естественным образом смешиваются друг с другом». Труд Фейхтерслебена имел такой успех, что издатель отозвал ранние экземпляры книги, которые были бесплатно отправлены в университеты и больницы, чтобы торговцы смогли их продать.

Как вы и сами могли догадаться, психиатрия, основанная на интуиции и поэзии, была не в состоянии облегчить страдания людей, которые мучились от голосов в голове или находились в состоянии депрессии. Постепенно врачи стали понимать, что сосредоточенность на процессах, скрытых внутри таинственного разума, не приводит не только к долговременным, но и вообще к каким-либо изменениям состояния пациентов с тяжелыми расстройствами. После нескольких десятилетий путешествий по туманным морям философствований новая когорта психиатров стала понимать, что такой подход приводит лишь к интеллектуальному изгнанию и отдалению от других направлений медицины.

Эти реакционно настроенные врачи критиковали психодинамический подход психиатров – приверженцев романтизма, причем иногда в довольно жесткой форме. Они обвиняли натурфилософов в «абсолютной потере связи с реальной жизнью» из-за того, что те погрузились в «рассуждения о мистических и трансцендентных мирах».

К середине девятнадцатого века новое поколение докто-

ров отважно пыталось сократить растущую пропасть между психиатрией и ее сиамским близнецом – неврологией, которая пользовалась все большим и большим уважением. Это была первая волна биологической психиатрии. Сторонники данного подхода исходили из того, что ментальные расстройства вызваны физическими аномалиями в мозге, которые можно выявить. Во главе этого движения стоял немецкий психиатр Вильгельм Гризингер, который с уверенностью заявлял, что «все поэтические и идеалистические представления о сумасшествии несут в себе наименьшую ценность». Он получил образование врача и ученую степень под руководством Иоганна Шёнлейна – выдающего немецкого патологоанатома, прославившегося укреплением доверия к терапии внутренних болезней. Он настаивал на том, что при постановке диагноза следует опираться на два источника информации: врачебный осмотр и лабораторные анализы биологических жидкостей и тканей.

Гризингер попытался создать такую же эмпирическую основу для постановки психиатрических диагнозов. Он составлял перечни симптомов, которые появлялись у больных в лечебницах для душевнобольных, а после их смерти проводил вскрытие и изучал мозг. Гризингер использовал данные исследований, чтобы разработать лабораторные анализы для живых пациентов. Он создал опросник с четкой структурой и определил последовательность врачебного осмотра, что в совокупности с анализами должно было помочь идентифи-

цировать ментальное расстройство. По крайней мере, такую цель ставил Гризингер.

В 1867 году в первом выпуске собственного журнала *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten* («Архивы психиатрии и заболеваний нервной системы») он заявил:

Психиатрия претерпела изменения в отношении с другими направлениями медицины. Эти изменения основываются главным образом на осознании того, что пациенты с так называемыми ментальными расстройствами на самом деле являются людьми с заболеваниями нервов и мозга. Поэтому данная отрасль должна перестать считаться отдельной гильдией и прочно войти в состав общей медицины, стать доступной для всех медицинских кругов.

Провозглашение принципов биологической психиатрии стало источником вдохновения для специалистов новой формации. Полагая, что ключ к разгадке ментальных расстройств таится не в неуловимой душе и не в незримых магнетических каналах, а внутри мягких и влажных складок мозговых тканей, они провели огромное количество исследований, которые основывались на изучении под микроскопом мозга умерших. Психиатры, разбирающиеся в анатомии, связывали выявленные в мозге патологии с клиническими расстройствами (например, Алоис Альцгеймер об-

наружил сенильные бляшки и нейрофибриллярные клубки, свидетельствующие о деменции). В связи с этим появились новые теории, например истерию, манию и психоз стали объяснять перевозбуждением нейронов.

Учитывая такие открытия, можно предположить, что психиатры, являющиеся последователями биологического подхода, наконец добились того, что их профессия стала опираться на науку и прочно стоять на ногах. В конце концов, в мозге ведь должны существовать отчетливые признаки ментальных расстройств, верно? Увы. Исследования первого поколения психиатров ни к чему не привели – словно фейерверк, который взлетел в небо, но не взорвался красивыми огнями. Несмотря на значительный вклад в неврологию, ни одна из биологических теорий девятнадцатого века, объясняющая психические заболевания, не нашла подтверждения в организме (за исключением болезни Альцгеймера) и не привела к прорыву в психиатрии. Ни одна из них не оказалась верной. Как бы тщательно приверженцы биологического подхода ни всматривались в борозды коры головного мозга, его извилины и доли, как бы старательно ни изучали образцы тканей, они не могли найти конкретные и последовательные отклонения от нормы, которые свидетельствовали бы о психическом заболевании.

Пусть у Гризингера были благие намерения, но читатель его *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten* разбирался в ментальных расстройствах точно так же, как читатель

«Доклада об открытии животного магнетизма» Месмера. Независимо от того, что именно врач считал причиной психического заболевания: магнетические каналы или возбужденные нейроны, в 1880-е годы объем фактических доказательств был одинаковым – нулевым. Несмотря на то что благодаря исследованиям мозга многие врачи девятнадцатого века получили профессорские звания, их работы не привели ни к серьезным открытиям, ни к появлению эффективной терапии, которая облегчила бы страдания больных.

С приближением 1900 года маятник приверженности разным концепциям вновь закачался. Безуспешные попытки психиатров, придерживающихся биологического подхода, приводили к тому, что их коллеги начали чувствовать досаду и бессилие. Один выдающийся врач отозвался о биологической психиатрии как о «мифологии мозга», а великий немецкий психиатр Эмиль Крепелин (к нему мы еще вернемся) назвал его «надуманной анатомией». Старания найти биологические основания для ментальных расстройств не увенчались успехом, и психиатрия еще больше отделилась от других отраслей медицины, в том числе и *географически*.

Ухаживающие за душевнобольными

До начала девятнадцатого века люди с серьезными психическими расстройствами могли оказаться в одном из двух мест в зависимости от состоятельности своей семьи. Если

родители, супруг или супруга больного располагали значительными средствами либо занимали высокое социальное положение, то человек оставался в фамильном поместье. Иногда душевнобольного поселяли куда-нибудь на чердак, как, например, безумную жену Рочестера в «Джейн Эйр», чтобы скрыть недуг от общества. Но если несчастный был из семьи рабочих (или его родные были бездушны и черствы), то он оказывался на улице или в учреждении совершенно иного рода – сумасшедшем доме.

Согласно письменным свидетельствам тех времен, лечебницы до эпохи Просвещения представляли собой ужасные, грязные подземелья. (Наводящие страх изображения сумасшедших домов продолжают появляться в течение последующих двух веков. Эти подземелья станут одной из самых ярких проблем в психиатрии, а также послужат источником нескончаемых разоблачений для журналистов и причиной гражданских протестов.) Больных приковывали цепями, пороли, били палками, погружали в ледяную воду или просто запирали в холодные тесные камеры на несколько недель. По воскресеньям их выводили на потеху публике как чудаков и уродов.

Задачей первых психиатрических больниц являлось не лечение пациентов, а, скорее, насильственное отделение их от остального общества. На протяжении большей части восемнадцатого века ментальные расстройства не считали заболеваниями, вследствие чего они не попадали в поле зре-

ния медицины. Страдающие такими недугами находились на равных с преступниками, которых сажали в тюрьмы. Людей с психическими расстройствами считали либо социальными девиантами, либо маргиналами, которые несут наказание свыше за непростительные деяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.